

ДВОЙНИК

ДЖЕФФРИ
ЛИНДСЕЙ

ДЕКСТЕРА

A promotional poster for the TV show 'Dexter'. It features a close-up of the character Dexter Morgan, played by Jeffrey Lindsay. He is looking directly at the camera with a serious, intense expression. His hands are clasped together in front of him. He is wearing a dark green button-down shirt. The background is white with numerous red blood splatters and streaks, creating a violent and unsettling atmosphere.

Самый
обаятельный убийца —
в опасности!...

Декстер

Джефф Линдсей
Двойник Декстера

«Издательство АСТ»

2011

Линдсей Д.

Двойник Декстера / Д. Линдсей — «Издательство АСТ»,
2011 — (Декстер)

Приключения очаровательного «джентльмена-маньяка» Декстера Моргана, охотника на серийных убийц, продолжают! Раньше ни с чем подобным Декстеру Моргану сталкиваться не доводилось... Но на сей раз приходится признать: Декстера, расправлявшегося с очередным монстром-педофилом, ВИДЕЛИ. Свидетель шантажирует его и грозитя разоблачить. И это – одновременно с охотой на собственного «двойника», опасного и беспощадного преступника, избравшего своими жертвами... полицейских Майами!

© Линдсей Д., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джеффри Линдсей Двойник Декстера

Jeff Lindsay
DOUBLE DEXTER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Nicholas Ellison Agency, Sanford J. Greenburger Associates, Inc. и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Jeff Lindsay, 2011

© Перевод. В.С. Сергеева, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается, как всегда, Хилари

От автора

Я невероятно признателен Саманте Стейнберг, настоящему профессионалу, одному из лучших в нашей стране следователей и автору «Идентификационного каталога» и «Этнического каталога», за то, что она просмотрела мою рукопись.

И конечно же, моя благодарность Медвежонку, Пуки и Тинку, которые напоминают мне, почему я этим занялся.

Глава 1

Естественно, на небе облака. Они затягивают небосвод целиком и скрывают дрожащую пухлую луну, которая словно откашливается, зависая над ними. Пробивается тоненький ручеек лунного света – но никакого блеска, он приглушен наплывающими облаками, низкими, вздутыми, переполненными до краев. Вскоре они разверзнутся и разразятся проливным летним дождем – очень скоро, так как им тоже не терпится сделать то, что они должны, настолько не терпится, что они готовы взорваться. Хоть и приходится изо всех сил удерживать дождь, который неизбежно прольется, причем вот-вот.

Скоро – но не сейчас, не сию секунду. Облака вынуждены ждать, набухая силой, накопившейся в них. Это подлинная, оглушительная поступь грядущего, того, что непременно случится, когда наступит время, необходимость достигнет пика и будет соответствовать моменту. Тогда станет окончательно и бесповоротно ясно – «сейчас»...

Но время еще не настало. Поэтому облака сердито хмурятся, громоздятся и ждут, нагнетая в себе потребность, напряжение растет. Скоро придет миг, обязательно придет. Всего через несколько секунд темные молчаливые облака разорвут ночную тишину нестерпимо ярким утверждением своего могущества и разобьют мрак на мерцающие осколки – и тогда, лишь тогда, придет облегчение. Тучи раскроются, и все напряжение, необходимое для того, чтобы удерживать в себе такую тяжесть, выплеснется в потоке чистой радости освобождения, и их восторг будет литься, заполняя мир благословенными дарами света и свободы.

Этот миг близок, мучительно близок – но время еще не пришло. А потому облака ждут подходящего момента, темнея, раздуваясь, обрастая тенями... пока еще можно сдерживаться.

А что происходит внизу, в беззвездной ночи? Здесь, на земле, в неподвижной тьме, созданной облаками, угрюмо заслонившими луну и захватившими небо? Что это такое, не знающее неба, темное, быстрое, готовое, выжидающее, скользит во мраке, точь-в-точь как облако? Оно тоже ждет, какова бы ни была его темная сущность; оно напряжено, как сжатая пружина, и подстерегает подходящий момент, чтобы выполнить задуманное, то, к чему призвано, то, что делало всегда. И этот момент подкрадывается к нему мелкими шажками, будто хорошо знает, что должно случиться, хотя ему страшно, и он чувствует ужас от приближающегося озарения, которое подбирается ближе и ближе... пока не окажется прямо за спиной, дыша в затылок и ощущая теплую пульсацию нежных вен.

Пора.

Чудовищная вспышка молнии разрывает ночь и высвечивает рослого пухлого мужчину, бегущего через лужайку, словно и он чувствует за спиной дыхание мрака. Гремит гром, снова сверкает молния – фигура приближается. Человек держит в руках лэптоп и картонную папку, он ищет ключи и опять исчезает во мгле, когда молния гаснет. Очередная вспышка – человек уже совсем близко, он крепко сжимает свою ношу и позвякивает ключами от машины. И вновь исчезает, когда опускается мрак. Внезапная тишина, такая опустошающая, как будто весь мир перестал дышать и даже мгла затаила дыхание.

А потом прилетает неожиданный порыв ветра, слышится последний тяжкий удар грома, и вселенная кричит:

«Пора!» Пора.

Все, что должно случиться этой темной летней ночью, пойдет своим чередом. Небеса разверзаются, избавляясь от груза, мир вновь начинает дышать, внизу, во влажной тьме, напряжение слабеет, пружина разворачивается медленно и осторожно, мягкие внимательные щупальца тянутся к рыхлому неуклюжему, похожему на клоуна человеку, который пытается под потоками внезапного ливня открыть дверцу машины. Она распаивается, лэптоп и папка падают на сиденье, человек садится за руль, захлопывает дверцу и делает глубокий вдох, вытирая воду с

лица. Он улыбается – и в улыбке сквозит легкое торжество. Он уже привык к этому ощущению. Стив Валентайн – счастливец, в последнее время колесо Фортуны то и дело поворачивалось в его сторону, и он думает, что и сегодня ему опять улыбнулась удача. Стив Валентайн считает: жизнь удалась.

На самом деле она почти кончена.

Стив Валентайн – клоун. Не шут по жизни, не веселая карикатура на нелепую рутинность бытия. Он настоящий клоун, который дает объявления в местных газетах и выступает на детских вечеринках. К сожалению, он живет не ради веселого и невинного младенческого смеха, и порой ловкость его рук выходит из-под контроля. Его дважды арестовывали, когда родители сообщали полиции, что нет необходимости отводить ребенка в темную комнату, чтобы показать, как сделать животное из воздушного шарика.

Оба раза Валентайна освобождали за недостатком улик, но он понял намек, и больше никто не жаловался – за неимением такой возможности. Нет, он не перестал развлекать детей. Конечно, нет. Леопарды не меняют своих пятен – не изменился и Валентайн. Он стал мудрее и злее, как раненый хищник. Он вел долговременную игру, полагая, будто нашел способ играть вечно, не платя.

Он ошибается.

И сегодня ему придет счет.

Валентайн живет к северу от аэропорта Опа-Лока в старом доме, которому самое малое лет пятьдесят. На улице перед домом стоят брошенные автомобили, некоторые из них сожжены. Здание слегка вибрирует, когда в небе пролетают реактивные самолеты, заходя на посадку или набирая высоту, и их шум смешивается с постоянным гудением транспорта на ближайшем шоссе.

Квартира Валентайна – номер одиннадцать, на втором этаже. Из окна открывается отличный вид на убогую детскую площадку с ржавыми лесенками, покосившейся горкой и баскетбольным кольцом без сетки. Валентайн выставил на балкон потрепанный шезлонг, чтобы обозревать двор в свое удовольствие. Он может сидеть здесь, потягивая пиво, и наблюдать за играющими детьми, с наслаждением выстраивая планы, как он однажды сам с ними поиграет.

Что он и делает. Насколько нам известно, Валентайн поиграл как минимум с тремя мальчишками. Может быть, их было больше. За последние полтора года из близлежащего канала трижды выуживали маленькие трупы. Детей сначала насиловали, а потом душили. Все мальчишки – из этого района, то есть из бедных семей, возможно, живущих здесь нелегально. Родители вряд ли могли обратиться в полицию, даже когда их дети погибали, а потому такие ребята – идеальные жертвы для Валентайна. Так случилось по крайней мере трижды, и у полиции не нашлось никаких зацепок.

Но у нас они есть. И более того, мы точно знаем. Стив Валентайн наблюдал за малышами, играющими на площадке, а потом уводил их в темноту и обучал последней игре собственного изобретения, после чего сбрасывал в грязную воду замусоренного канала. Затем он, удовлетворенный, возвращался на допотопный шезлонг, открывал банку пива и обозревал площадку в поисках нового маленького друга.

Валентайн считал себя очень умным. Он думал, что усвоил уроки прошлого и нашел отличный способ исполнять свои мечты и беспрепятственно вести столь необычный образ жизни. Он полагал, будто ни у кого не хватит мозгов остановить его. И до сих пор он не ошибался.

Но лишь до сих пор.

Валентайна не оказалось дома, когда полицейские расследовали убийство трех мальчиков, и ему не просто повезло. Это тоже была мудрость хищника – Валентайн обзавелся устройством для прослушивания полицейской волны. Он знал о предстоящих визитах копов. Такое, правда, случалось редко. Полицейские не любят навещать бедные районы, поскольку враждеб-

ное безразличие – это лучшее, на что здесь можно надеяться. Именно поэтому Валентайн тут и живет. Но копы все-таки иногда навешиваются, однако он узнает об этом заранее.

Копы приезжают, если положено. А им уж точно положено, когда кто-нибудь набирает 911 и сообщает, что в квартире номер 11 на втором этаже идет драка. А если позвонивший говорит, будто потасовка внезапно прервалась жутким воплем, после которого наступила тишина, копы появляются быстро.

Когда Валентайн, услышав переговоры по рации, понимает, что полицейские едут к нему домой, он, разумеется, исчезает, прежде чем они здесь окажутся. Он заберет все, указывающее на его маленькое хобби, – а такие штучки у Валентайна имеются, как же иначе! – торопливо сбежит по лестнице и сядет в неосвещенный салон машины, не сомневаясь, что успеет уехать подальше и переждет, пока рация не оповестит его о чистоте горизонта.

Он и не подумает, что Незнакомец озаботился списать номер его машины. Валентайн ездит на светло-синем «шевроле-блейзере» двенадцатилетней давности с наклейкой «Выбери жизнь» и магнитиком на дверце, который гласит: «Клоун Пуффалумп». И уж точно Валентайн не заподозрит, что Незнакомец ждет его на заднем сиденье машины, спрятавшись в темноте.

Итак, Валентайн ошибется дважды. Незнакомец действительно знает его машину и каралит хозяина, свернувшись на полу в темноте под задним сиденьем старого «шевроле». Кто-то ждет, когда Валентайн закончит вытирать лицо и с легкой торжествующей улыбкой наконец-то – наконец-то! – сунет ключ в замок зажигания и заведет мотор.

Когда мотор включается, наступает нужный момент – наконец-то! – и Нечто, восстав из мрака, в мгновение ока набрасывает петлю из капроновой лески, способной удержать груз в пятьдесят фунтов, на пухлую шею Валентайна и туго ее затягивает, прежде чем тот успевает сказать что-нибудь помимо «Гхрр!...». Валентайн начинает нелепо, слабо и жалко размахивать руками, и тогда Незнакомец чувствует холодное презрение и власть, которые текут по леске, вливаясь в удерживающие ее пальцы. Улыбка сбегает с лица Валентайна и оживает на нашем. Мы так близко, что чуем его страх, слышим перепуганный стук сердца, ощущаем, как он задыхается... и это хорошо.

– Теперь ты принадлежишь нам, – говорим мы, и наш Командный Голос поражает клоуна, как удар молнии, которая сверкает снаружи, подчеркивая темноту. – Ты сделаешь то, что мы прикажем, и только так, как мы потребуем.

Валентайн думает, будто имеет право высказаться. Он издает слабый всхлипывающий звук, но мы туго натягиваем петлю, очень туго, всего на мгновение, чтобы он понял: его дыхание – в нашей власти. Лицо Валентайна синеет, глаза вылезают из орбит, он хватается руками за шею, пальцы несколько секунд беспомощно царапают петлю, а потом все вокруг него темнеет, руки падают на колени, он валится вперед и начинает терять сознание, поэтому мы отпускаем леску. Для него еще рано, слишком рано.

Плечи Валентайна вздрагивают, он издает звук, похожий на скрежет ржавого замка, и втягивает воздух, сокращая то количество вдохов, которое у него еще осталось. Еще не зная, что их число невелико, он поспешно вдыхает снова, уже свободнее, а потом выпрямляется и тратит драгоценный воздух, хрипло проговорив:

– Какого хрена?..

Из его носа капает отвратительная слизь, голос звучит сипло, странно и очень неприятно, поэтому мы снова натягиваем петлю, на сей раз не сильно, но достаточно, чтобы Валентайн понял: теперь он принадлежит нам. Он послушно разевает рот, хватается за горло и наконец замолкает.

– Ни слова, – говорим мы. – Езжай.

Он поднимает голову, смотрит в зеркальце заднего вида и впервые ловит наш взгляд – только взгляд, холодный и темный, в узких прорезях блестящего шелкового капюшона, который закрывает лицо. Валентайн будто бы собирается что-то сказать, но мы слегка подергиваем

петлю, просто чтобы напомнить, и он быстро передумывает, отводит глаза от зеркала, включает передачу и трогается с места.

Мы осторожно направляем его на юг, то и дело поощряя легкими подергиваниями удавки, желая укрепить в мозгу Валентайна одну-единственную мысль – даже дыхание не дается даром, и он будет дышать, только когда мы позволим. Большую часть пути Валентайн ведет себя хорошо. Лишь один раз на светофоре он снова смотрит на нас, откашливается и спрашивает:

– Что вы... куда мы едем?

Тогда мы с силой тянем поводок, и мир вокруг Валентайна меркнет.

– Туда, куда тебе велят, – говорим мы. – Рули и не болтай – возможно, протянешь чуть дольше.

Этого достаточно, чтобы он покорился; Валентайн еще не знает, но скоро, совсем скоро он сам не захочет жить дольше, поскольку ему предстоит убедиться, что это очень больно.

Мы осторожно направляем его по переулкам в район, застроенный домами поновее. Почти все они закрыты за долги. Заранее выбрав и подготовив один из них, мы везем Валентайна туда по тихой улочке мимо сломанного светофора под старомодный навес, примыкающий к дому, заставляем припарковаться у дальней стены, чтобы машину не увидели с дороги, и выключить мотор.

Долгое время мы ничего не делаем, только держим удавку и слушаем ночь. Но мы отмахиваемся от нарастающего журчания лунной музыки и мягкого, неодолимого шелеста внутренних крыльев, которые до боли жаждут распахнуться и взмыть в небо. Нам нужно соблюдать осторожность. Мы отслеживаем каждый звук, способный ворваться незваным в эту ночь. Мы слушаем – и до нас доносятся шум дождя и ветра, плеск воды по крыше навеса, шелест деревьев, которые раскачивает летняя гроза. И больше ничего.

Мы внимательно смотрим: в доме справа, единственном, из которого видно навес, темно. Он пуст, как и тот дом, рядом с которым мы остановились, и мы заранее удостоверились – здесь никого нет. Мы тихо выглядываем на улицу, наострив уши и осторожно пробуя на вкус теплый сырой ветер. Мы ищем в нем следы присутствия иных существ, способных видеть и слышать... Никого. Мы делаем глубокий, чудесный вдох, втягивая в легкие воздух, наполненный вкусом и запахом удивительной ночи и тех прекрасных и страшных дел, которыми мы вскоре займемся все вместе, только мы – и клоун Пуффалумп.

Валентайн откашливается, пытаясь сделать это тихо и незаметно, в надежде избавиться от острой боли, которую причиняет удавка, и каким-то образом осмыслить ту невозможную ситуацию, в которую он, такой уникальный и удивительный, влип. Звук его кашля отдается в наших ушах, как кошмарный лязг тысяч зубов, и мы снова рывком затягиваем петлю – так сильно, чтобы ободрать кожу и отбить у Валентайна охоту издавать какие-либо звуки. Он откидывается на спинку кресла, а потом молча валится вперед, вытаращив глаза. Мы торопливо выходим из машины, открываем дверцу со стороны водителя и вытаскиваем Валентайна, который падает на колени на бетонное покрытие под темным навесом.

– Живей, – приказываем мы и слегка ослабляем удавку. Он смотрит на нас, и, судя по выражению лица, от него совершенно ускользает сам смысл слова «живей». Заметив, как в его глазах растет новое чудесное осознание, мы затягиваем петлю, чтобы окончательно утвердить Валентайна в этой мысли. Тогда он неловко поднимается с колен и шагает впереди нас во мрак пустого дома, через заднюю дверь со спущенными жалюзи. Здесь его новое жилище – последнее, где он будет жить.

Мы ведем Валентайна на кухню и позволяем побыть несколько секунд в тишине. Мы стоим у него за спиной, вплотную, удерживая петлю сильной рукой. Он стискивает кулаки, шевелит пальцами и снова откашливается.

– Пожалуйста... – шепчет он сиплым голосом, который умер первым.

– Да, – говорим мы, и волны нашего спокойного терпения накатываются на берег безумной радости. Вероятно, Валентайну кажется, что он слышит надежду в этом мирном предвкушении. Он слегка качает головой, словно ему под силу противостоять волне и вернуться.

– За что? – хрипло спрашивает он. – Я... я... почему?

Мы туго стягиваем петлю и следим, как его дыхание останавливается, а лицо темнеет. Валентайн снова валится на колени, но мы отпускаем удавку, прежде чем он успевает потерять сознание. Совсем чуть-чуть, только чтобы в его легкие через израненную глотку проникло немного воздуха и он ожил. Тогда мы скажем ему все, откроем радостную правду.

– Потому что! – говорим мы, опять туго затягивая петлю – еще туже, очень туго, – и с радостью видим, как он погружается в бездыханный сон и падает лиловым лицом в пол, описав в воздухе дугу.

Теперь мы работаем быстро. Нужно подготовиться, прежде чем Валентайн проснется и испортит нам веселье. Мы забираем из машины небольшую сумку с нашими штучками и инструментами, папку, которую он бросил на сиденье, и быстро возвращаемся на кухню. Скоро Валентайн уже примотан скотчем к кухонному столу, одежда на нем разрезана, рот накрепко заклеен, а вокруг разложены красивые фотографии, найденные в папке. Очаровательные фото маленьких мальчиков. Одни смеются, глядя на клоуна, другие просто держат мяч или качаются на качелях. Три снимка поставлены именно с таким расчетом, чтобы Валентайн обязательно их увидел. Три простых фотографии, вырезанные из газетных статей про трех маленьких мальчиков, найденных мертвыми в канале.

Когда подготовка закончена и все расставлено по местам, у Валентайна начинают дрожать веки. Несколько секунд он лежит спокойно, чувствуя, как теплый воздух касается его обнаженного тела, которое удерживает в неподвижности тугой крепкий скотч. Возможно, он гадает, что случилось. Потом, видимо, он вспоминает, резко открывает глаза и пытается совершить невозможное – разорвать скотч, сделать глубокий вдох, закричать наглухо заклеенным ртом, чтобы услышал хоть кто-нибудь в стремительно сужающемся мире. Впрочем, ничего не происходит и больше никогда не случится, только не для него. Для Валентайна осталось лишь одно. Нечто маленькое, несущественное, бессмысленное, но чудесное и совершенно необходимое, и сейчас это будет сделано, именно сейчас, несмотря на тщетные неуклюжие попытки сопротивления.

– Расслабься, – говорим мы и касаемся рукой в перчатке его обнаженной, тяжело вздымающейся груди. – Скоро все закончится.

И мы действительно имеем в виду «все», совсем все – вздохи и моргания, алчные взгляды и смешки, вечеринки в честь дня рождения и воздушные шарик, хищные прогулки в темноте по пятам за каким-нибудь беспомощным маленьким мальчиком. Все закончится скоро и навсегда. Мы похлопываем Валентайна по груди.

– Но не слишком скоро, – успокаиваем мы, и холодная радость от осознания простой истины охватывает нас и сияет в глазах. Он это видит и, наверное, хорошо понимает. И возможно, по-прежнему питает дурацкую немыслимую надежду. Но когда он обмякает на столе в нерушимо прочной хватке скотча, в крепких объятиях сегодняшней безумной ночи, вокруг начинает звучать чудесная музыка Темного Танца. Мы принимаемся за работу, и для Валентайна надежда исчезает навсегда, как только мы приступаем к традиционной процедуре.

Она начинается – медленно, но не робко, движения не назовешь неуверенными, о нет. Медленно – значит, долго. Можно продлить удовольствие, насладиться каждым хорошо спланированным, многократно отрепетированным, часто повторяемым движением и постепенно подвести клоуна к финальному озарению, простому и ясному осмыслению того, каким образом он умрет – здесь, сегодня, сейчас. Мы медленно рисуем Валентайну правдивую картину того, как это должно случиться, мощными темными штрихами доказывая, что ничего иного не будет. Он покажет свой самый последний фокус – здесь, сегодня, сейчас, неторопливо и педан-

тично, шаг за шагом, кусок за куском, ломтик за ломтиком заплатит пошлину веселому мостовому сторожу, вооруженному сверкающим лезвием. Валентайн медленно пересечет последнюю черту, отделяющую его от бесконечной тьмы, о которой он скоро будет мечтать и с которой страстно захочет слиться, поскольку к тому времени поймет: это единственный способ прекратить боль. Но не сразу, не теперь, не слишком быстро. Сначала нужно подвести его к этой черте, к точке невозврата, а потом пусть сделает еще один шаг – туда, где станет совершенно ясно, что мы приблизились к краю и обратной дороги нет. Он должен увидеть, проникнуться, понять и принять происходящее как нечто правильное, необходимое и неизменное, и наш приятный долг – указать Валентайну на границу, которой отмечено начало конца, и провозгласить: «Видишь? Вот где ты теперь. Ты перешел черту, и теперь все закончится».

И мы принимаемся за работу, а вокруг звучит музыка, и луна смотрит в просветы облаков, радостно хихикая над увиденным. Валентайн очень отзывчив. Он задает тон, шипит, издает сдавленные вопли, когда понимает: сделанное нельзя отменить; и цель всего этого – устроить так, чтобы он побыстрее исчез. Он, Стив Валентайн, клоун Пуффалумп, смешной человек в белом гриме, который искренне и пылко любит детей, так сильно, так часто и, как правило, таким неприятным способом. Он – Стив Валентайн, клоун, который выступает на вечеринках и способен за один час провести ребенка по радуге жизни до самого конца, от радости и счастья до финальной агонии, безнадежно меркнувшего света и грязной воды близлежащего канала. Стив Валентайн, который оказался слишком умен для тех, кто пытался его остановить или доказать его преступные деяния в зале суда. Но теперь он не в зале суда и никогда там не окажется. Сегодня он лежит на скамье подсудимых перед Судом Декстера, и вердикт блестит в нашей руке. Там, куда он отправится, не будет государственных адвокатов и апелляций.

Но перед тем как стукнуть судейским молотком в последний раз, мы медлим. На наше плечо опустилась маленькая надоедливая птичка, которая беспокойно напевает: «Чирик-чирик, не ошибись». Знакомая песенка. Нам известно ее содержание. Это – кодекс Гарри, который гласит: нужно удостовериться, убедиться, что это именно тот человек, а мы поступаем правильно. И если все совпадет, мы закончим свое дело с гордостью и радостью, ощутив удовлетворение от совершенного.

И вот теперь, когда то, что осталось от Валентайна, еще дышит, медленно и с большим трудом, когда в его красных опухших глазах еще виднеется последний огонек разума, мы останавливаемся, склоняемся над ним и поворачиваем его лицо к фотографиям, расставленным вокруг. Мы отрываем скотч с одного уголка рта – ему, конечно, больно, но совсем чуть-чуть по сравнению с тем, что он уже пережил, поэтому Валентайн не издает ни звука, только с тихим шипением втягивает воздух.

– Видишь? – спрашиваем мы, тряся его за мокрый дряблый подбородок и стараясь, чтобы он непременно увидел фотографии. – Видишь, что ты сделал?

Он замечает их, и усталая улыбка приподнимает незаклеенный уголок рта.

– Да, – говорит он слегка приглушенным из-за скотча голосом, хриплым после удушения, который тем не менее звучит отчетливо, когда Валентайн узнает фотографии. Надежда уже покинула его, всякий вкус к жизни пропал, но маленькое приятное воспоминание по-прежнему раздражает вкусовые сосочки, стоит ему посмотреть на лица мальчиков, которых он убил.

– Они были... такие красивые... – Глаза скользят по фотографиям, взгляд надолго замирает, а потом Валентайн смежает веки. – Красивые... – повторяет он, и этого достаточно: мы с ним близки как никогда.

– Ты тоже, – говорим мы, приклеивая скотч обратно, и снова беремся за работу, погружаясь в заслуженное блаженство, когда в веселом, все прибывающем лунном свете звучит финал симфонии. Музыка возносит нас выше и выше, и наконец медленно, осторожно, но ликующе раздается последний торжественный аккорд, высвобождающий в теплую влажную ночь бук-

вально всё... всё. Гнев, горе, напряжение, смущение, разочарование от ежедневной бессмысленной рутины, которую мы вынуждены преодолевать лишь для того, чтобы это все-таки произошло. Мелкие, глупые, нелепые попытки смешаться с двуногим стадом минули, умчались в благословенную тьму, а вместе с ними, тащась следом за ними, как побитый щенок, и то, что осталось внутри истерзанной оболочки Стива Валентайна.

До свидания, Пуффалумп.

Глава 2

Мы прибирались и чувствовали, как истома медленно проникает в наши кости – удовлетворение и приятная лень при мысли о том, что мы справились, притом неплохо, со всем, что требовалось от нас в эту счастливую ночь под знаком Необходимости. Облака разошлись, осталось бодрое сияние луны, и нам стало намного лучше. После сделанного всегда становится лучше.

Может быть, мы обращали слишком мало внимания на обволакивающую нас тьму, замкнувшись в коконе собственной радости, но вдруг услышали шорох, негромкое испуганное дыхание, а потом торопливый шелест ног. Прежде чем мы успели что-либо сделать, кроме как обернуться на звук, шаги затихли в направлении черного выхода темного дома, и дверь захлопнулась. Мы смогли лишь последовать за ними и увидеть через дверное стекло в молчаливом всеобъемлющем смятении, как стоявшая у обочины машина вдруг ожила и умчалась в ночь. Задние габариты горели, причем левый висел под странным углом, и мы успели разглядеть, что это старая «хонда» какого-то неопределенно темного цвета с огромным ржавым пятном на багажнике, похожим на большую металлическую родинку. Машина умчалась прочь, а в нашем животе стянулся ледяной едкий узел, когда невероятная, страшная правда, обжигая, вырвалась на поверхность, и паника хлынула, как невыносимо яркая кровь из свежей раны.

Нас увидели.

В течение долгой жуткой минуты мы просто стояли и смотрели в стекло, ошеломленные бесчисленными отголосками этой невероятной мысли. Нас застучали. Кто-то пришел сюда, неслышно и незаметно, и наблюдал, как мы, измученные и довольные, склонились над небрежно завернутыми останками. Скорее всего он увидел достаточно, чтобы распознать в странного вида кусках Валентайна, поскольку человек, кем бы он ни был, скрылся бегом, в ужасе, с быстротой молнии и растаял в ночи, прежде чем мы успели хотя бы вздохнуть. Возможно, он даже разглядел наше лицо. Во всяком случае, он многое видел, понял происходящее и убежал прочь, в безопасное место, наверное, чтобы позвать полицию. Быть может, этот человек звонит в полицию прямо сейчас, посылая по нашему следу патрульные машины арестовать нас... а мы торчим как вкопанные, в неподвижном оцепенении, согнувшись и глядя с раскрытым ртом вслед исчезнувшему свету фар, пораженные и непонимающие, словно ребенок, который смотрит знакомый мультфильм с субтитрами на иностранном языке. Нас видели... И наконец вслед за этой мыслью приходит страх, который побуждает нас приступить к действию, включить первую скорость и поспешно довести уборку до конца, а затем вынести из дома еще теплые свертки с плодами того, что было сделано этой ночью, совсем недавно такой дивной.

Как ни странно, мы спокойно выходим и едем в темноту. Нет никаких признаков погони. Не воют предупреждающие сирены, не визжат покрышки, не слышится треск раций, не звучат угрозы, предвещающие Приближающуюся Погибель.

Когда я наконец, напряженно и осторожно, выбираюсь из этого района, одна-единственная мысль, бессмысленная и глупая, то и дело возвращаясь, бурлит во мне, напоминая непрерывный плеск волн на каменистом пляже.

Нас видели.

Эта мысль не покидает меня, когда я избавляюсь от останков, и неудивительно. Я еду, одним глазом поглядывая в зеркало заднего вида, в ожидании ослепительной вспышки синего света неподалеку от бампера и резкого короткого воя сирены. Но ничего так и не происходит, даже после того, как я бросаю машину Валентайна, сажусь в свою и опасно пробираюсь домой. Ничего. Я предоставлен самому себе и нахожусь в полном одиночестве, преследуемый только демонами собственного воображения. Невероятно. Кто-то видел меня в действии, вполне недвусмысленном. Он смотрел на аккуратно расчлененное тело Валентайна

и на довольного мясника, стоящего над останками. Не нужно решать дифференциальное уравнение, чтобы получить ответ: А плюс Б равняется Старина Спарки¹ специально для Декстера, и кто-то, придя к этому решению, сбежал и выбрался в безопасное место, но почему-то не вызвал полицию.

Нелепо. Безумно, невероятно, невозможно. Меня застукали – и я скрылся без всяких последствий. Я не мог поверить в это, но медленно и постепенно, пока я припарковывался возле дома и некоторое время сидел в машине, моя Логика вернулась из дальнего путешествия на остров Адреналина. Облокотившись на руль, я принялся дружески беседовать с самим собой.

Ну ладно, меня видели *in flagrante iugulo*², и я имел все основания ожидать немедленного изобличения и ареста. Но до сих пор этого не произошло: я – дома, избавился от улики, и ничего не осталось, чтобы доказать мою причастность к тому сладкому ужасу в заброшенном доме. Кто-то мельком взглянул на происходящее, да. Но там было темно – скорее всего слишком темно, чтобы разглядеть мое лицо, особенно пребывая в состоянии испуга, за одну секунду, тем более я стоял вполоборота. И вряд ли кто-нибудь сумел бы в расплывчатой фигуре, державшей нож, распознать реального человека, живого или мертвого. Пробив по номерам машину Валентайна, сыщики выйдут только на Валентайна, а у меня имелись веские основания полагать, что он не ответит на их вопросы, ну если только не прибегнуть к столоверчению.

В том исключительно маловероятном случае, что меня все-таки узнали и решатся выдвинуть безумное обвинение, полиция не найдет никаких улик. Перед ними предстанет человек с безупречной репутацией стража порядка, который, разумеется, будет держаться с достоинством и посмеется над нелепыми заявлениями. Естественно, никто в здравом уме не поверит, будто я, хотя бы теоретически, мог совершить нечто подобное, – разумеется, кроме моей персональной немезиды, сержанта Доукса, однако и у него ничего нет, кроме подозрений, которые он вынашивает так долго, что, наверное, уже испытывает от этого удовольствие.

Что остается? Не считая зыбкого представления о чертах моего лица, да и то весьма туманного. Что из увиденного загадочным свидетелем способно отрицательно сказаться на желании Декстера оставаться на свободе?

Шестеренки и колесики в моем могучем мозгу крутились и шелкали, пока наконец я не получил ответ: ничего.

Мне не смогут предъявить ничего из того, что этот таинственный перепуганный наблюдатель мог увидеть в темном заброшенном доме. Единственный возможный вывод, чистая дедукция, без вариантов. Я находился дома и на свободе, и, судя по всему, мне удастся и впредь пребывать в этом состоянии. Я сделал глубокий вдох, вытер руки о штаны и пошел домой.

Там, конечно, царила тишина, поскольку все давно спали. До меня донеслось легкое похрапывание Риты, когда я заглянул к Коди и Эстор. Они мирно почивали и видели свои короткие жестокие сны. Дальше по коридору, в спальне, лежала крепко спящая Рита, а в колыбельке свернулась Лили-Энн, чудесная и невероятная годовалая Лили-Энн, смысл моего нынешнего существования. Я стоял, глядя на малышку и восхищаясь, как всегда, совершенством ее лица и красотой крохотных пальчиков. Лили-Энн – начало всего хорошего, что есть в Декстере Номер Два.

Я многим рисковал сегодня, вел себя глупо, бездумно и чуть не заплатил самую высокую цену – арест, тюрьма, невозможность побаякать в объятиях Лили-Энн, поддержать ее за ручку, когда она неуклюже делает первые шаги... и, разумеется, я потерял бы возможность разыскать очередного милого друга вроде Валентайна и отвести его на Темную Игровую Площадку. На

¹ Электрический стул (амер. сленг). – Примеч. ред.

² Буквально – «на месте разрезания», от лат. «*in flagrante delicto*» – «на месте преступления». – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

кону оказалось слишком многое. Теперь придется залечь на дно и вести себя очень примерно, пока я окончательно не удостоверюсь, что горизонт чист. Развевающиеся юбки старой шлюхи по имени Фемида на ходу задели меня, и больше я не стану полагаться на удачу. Нужно отказаться от Ужасающих Увеселений и сделать так, чтобы образ Папочки Декстера слился с моей подлинной сутью. И может быть, на сей раз пауза навсегда. Так ли мне нужно рисковать самым ценным, чтобы совершать эти страшные и прекрасные дела? Я услышал негромкое, удовлетворенное, насмешливое хихиканье Темного Пассажира, который отправился отдыхать. «Да, нуж-ж-жно», – прошипел он сонно и доволью.

Но не сейчас. Сегодняшний вечер еще не окончен, и я о нем не забуду. Меня видели. Я забрался в постель и закрыл глаза, но нелепый страх разоблачения вновь посетил мой разум. Я боролся с ним, выметал неумолимой метлой логики. Я – в абсолютной безопасности. Меня не узнают, я нигде не оставил улики, и рассудок подсказывал: проделанное сошло мне с рук. Все в порядке... хотя сам я так в это и не поверил, но наконец провалился в беспокойный сон без сновидений.

На следующий день на работе не произошло ничего такого, о чем стоило бы тревожиться. В лаборатории полицейского департамента Майами-Дейд царилло полное спокойствие, когда я приехал. Воспользовавшись утренним затишьем, я включил компьютер. Тщательный обзор вчерашних отчетов подтвердил: никто не звонил с просьбой о помощи и указанием на маньяка с ножом в заброшенном доме. Не о чем волноваться, никто меня не искал. Если этого не случилось до сих пор – значит, не случится никогда. Пока что я был в безопасности.

Логика согласилась с официальным отчетом: я – в безопасности. И в течение следующих нескольких дней она продолжала мне это твердить, но почему-то дурацкий мозг отказывался верить. Сидя за работой, я ловил себя на том, что поднимаю плечи, защищаясь от удара, который и не собирался обрушиваться – я знал, он и не обрушится, но все-таки ожидал его. Я просыпался ночью и прислушивался, не стягивается ли вокруг дома отряд быстрого реагирования.

Но ничего не случалось, во мгле ни разу не зазвучали сирены, никто не постучал в дверь и не надавил на гудок, требуя моего немедленного выхода с поднятыми руками. Жизнь катилась по хорошо наезженной колее, правосудие не требовало головы Декстера, и вскоре начало казаться, будто какой-то жестокий незримый бог поддразнивает меня, смеется над моей постоянной бдительностью, издевается над бессмысленными дурными предчувствиями. Словно ничего на самом деле и не произошло или Свидетель погиб от внезапного самовозгорания. Но я не мог избавиться от ощущения, будто ко мне что-то подбирается.

Я ждал, и волнение росло. Работа стала мучительной проверкой на выносливость, ежевечернее сидение дома с семьей – неприятной обязанностью. Воодушевление покинуло Декстера.

Когда напряжение становится слишком сильным, взрываются даже вулканы, а они-то – из камня. Я же сделан из материала помягче, а потому не стоит удивляться, что, проведя три дня в ожидании удара, я наконец взорвался.

Рабочий день выдался особенно неприятным без всяких видимых причин. Гвоздем программы стал полуразложившийся труп какого-то утопленника, который, вероятно, некогда был молодым человеком, оказавшимся не по ту сторону крупнокалиберного пистолета в момент выстрела. Пожилая чета из Огайо обнаружила бедолагу, наехав на него своей взятой напрокат понтонной лодкой. Шелковая рубашка утопленника намоталась на винт, и почтенный житель Экрона пережил легкий сердечный приступ, когда, наклонившись через борт, чтобы очистить лопасти, увидел, как из воды на него смотрит лицо, тронутое тлением. Привет, добро пожаловать в Майами.

Когда об этом стало известно, копы и эксперты немало повеселились, но теплые товарищеские чувства не могли проникнуть в грудь Декстера. Мрачные шутки, обычно вызывающие у меня самый лучший поддельный смешок, теперь резали слух, как скрежет ногтей по грифельной доске, и я, лишь чудом сохраняя самоконтроль и молча закипая, пережил полтора часа

идиотского веселья, никого не поджарив. Но даже неприятнейшие испытания в конце концов заканчиваются. Поскольку тело слишком долго пробыло в воде, на нем не осталось никаких следов крови, поэтому моего профессионального заключения, в общем, не потребовалось, и я наконец вернулся за свой стол.

Остаток рабочего дня я провел за рутинной бумажной работой, рыча при виде папок, поставленных не на место, и впадая в ярость от ошибок в чужих рапортах. Что, грамматику уже успели отменить? Когда рабочий день подошел к концу, я выскочил за дверь и прыгнул в машину раньше, чем раздался последний удар часов.

Меня не тешила обычная жажда крови, свойственная водителям в вечерний час пик. Впервые я поймал себя на том, что сигналю, демонстрирую оттопыренный средний палец и злюсь на пробки вместе с остальными раздосадованными автовладельцами. Я никогда не сомневался, что окружен сплошными идиотами, но сегодня этот факт особенно действовал мне на нервы. Добравшись наконец до дома, я оказался совершенно не в настроении притворяться, будто рад видеть семью. Коди и Эстор резались в приставку, Рита купала Лили-Энн – все играли свои роли в бессмысленном, отупляющем спектакле; когда я шагнул за порог и обозрел чудовищный маразм, в который превратилась моя жизнь, что-то вдруг щелкнуло во мне. Но вместо того чтобы крушить мебель и размахивать кулаками, я швырнул ключи на стол и вышел через заднюю дверь.

Солнце только начинало заходить, но воздух оставался еще жарким и влажным. Сделав три шага во двор, я почувствовал, как покрываюсь капельками пота. Они казались прохладными, скатываясь по лицу, – это значило, что щеки пылают. Я горел нездешней яростью, полнился чувством, которое никогда раньше не завладевало мной. И спросил: что происходит в Мире Декстера? Конечно, я стоял на краю и ждал неизбежного конца света, но почему реакцией обязательно должен стать гнев, направленный на мою семью? Унылая тревожная трясина, в которой тонула моя душа, внезапно взорвалась фонтаном бешенства, это казалось чем-то новым и опасным, и я по-прежнему не понимал причин. Отчего маленькие и безвредные проявления человеческой глупости вызывали у меня огненную ярость?

Я пересек двор, поросший редкой побуревшей травой, и уселся за столик для пикника, исключительно потому, что я пришел сюда, а значит, следовало чем-то заняться. Сидение трудно назвать занятием, и мне отнюдь не полегчало. Я сжимал и разжимал кулаки, морщил и расслаблял лицо, потом снова втянул в себя горячий сырой воздух. И это тоже меня не успокоило.

Глупые, мелкие, бессмысленные разочарования, то есть само содержание жизни... но их количество достигло критической массы, и я начал разваливаться. Теперь, как никогда прежде, я должен сохранять ледяное спокойствие и полный самоконтроль, ведь кто-то меня видел. Даже сейчас он мог идти за мной по следу, подбираться все ближе и ближе, неся в себе Грозную Гибель, и мне предстояло благодаря логике заткнуть за пояс самого мистера Спока³ – иначе я совершу фатальную ошибку. А потому хотел бы я понять, что значит этот взрыв агрессии – окончательное разрушение тщательно сотканного красивого гобелена под названием «Декстер» или временная прореха? Я снова сделал глубокий вдох и закрыл глаза, чтобы слышать, как горячий воздух струится в легкие.

За спиной зазвучал мягкий, успокаивающий голос, который вещал: ответ есть, и он на самом деле очень прост, если хоть на секунду прислушаться к ясному, волнующему зову рассудка. Мое дыхание застыло в груди, превратившись в морозный синий туман; я открыл глаза, оглянулся и посмотрел в просвет между ветками, через верхний край соседской изгороди, на темный горизонт, где маячили эти вкрадчивые слова, словно провозглашенные огромной

³ Персонаж популярного фантастического сериала «Звездный путь».

желто-оранжевой счастливой луной, которая только что вознеслась над краем мира, скользнув на небо, похожая на толстого и веселого приятеля детских лет...

«Зачем ждать, пока Свидетель тебя найдет? – пробормотала она. – Почему бы не найти его первым?»

И это оказалось очаровательной, соблазнительной истиной, поскольку я хорошо умею делать две вещи – отслеживать добычу, а потом избавляться от останков. Так почему бы не поступить именно так? Почему бы не нанести упреждающий удар? Поднять информацию по округу Майами, найти список всех подержанных темных «хонд» с болтающимися задними габаритами и отследить их, одну за другой, пока я не разыщу нужную, после чего решить проблему раз и навсегда, сделав то, что удастся Декстеру лучше всего – чисто, просто и весело. Нет Свидетеля – нет угрозы, и мои проблемы растают, как кубики льда на горячем асфальте.

Подумав об этом и вновь вздохнув, я почувствовал, как тусклый алый туман отступает, кулаки разжимаются, а кровь отливает от лица. Холодный счастливый свет луны легонько коснулся меня, и из темных уголков крепости Декстера донеслось ласковое воркование. Внутренний голос соглашался, подбадривал и недвусмысленно намекал: «Да, да, это ведь так просто...»

И в самом деле. Нужно лишь провести некоторое время за компьютером, найти несколько фамилий, а потом выскользнуть в ночь и отправиться на небольшую прогулку, вооружившись маленьким набором безвредных инструментов – мотком изоляционной ленты, хорошим ножом и куском лески. Найти свою Тень, тихонько увести прочь и разделить с ней небольшие радости приятного летнего вечера. Что может быть естественнее и целебнее? Элементарное решение вопроса, беззаботное времяпрепровождение, способное развязать нелепые узлы. Больше никто не будет несправедливо угрожать тому, что мне дорого. По-моему, очень осмысленное решение, на всех уровнях. С какой стати позволять кому-то становиться на пути жизни, свободы и вивисекции?

Я опять вздохнул. Медленный, успокаивающий, соблазнительный, воркующий голос шептал на ухо, подсказывая простое решение, терся воображаемым пушистым боком о мои ноги и обещал полнейшее удовлетворение. Я посмотрел на небо. Одутловатая луна чарующе ухмыльнулась, словно приглашая на танец и одновременно гарантируя вечное сожаление, если у меня достанет глупости отказаться. «Все будет хорошо», – запела она под восхитительную смесь аккордов. «И даже еще лучше». Достаточно только оставаться самим собой.

Я хотел простого решения – и вот оно. Найди и нарежь, положи конец своим мучениям. Я посмотрел на луну, и она ласково глянула в ответ, улыбаясь любимому ученику, который наконец решил трудную задачу и увидел свет.

– Спасибо, – сказал я. Луна не ответила, а только опять хитро подмигнула. Я еще раз втянул в себя холодный воздух, встал и вернулся в дом.

Глава 3

На следующее утро я проснулся, чувствуя себя гораздо лучше, чем в предыдущие дни. Решение самому сделать первый ход высвободило нежеланный гнев, подавляемый до сих пор, и я выскочил из постели с улыбкой на губах и песней в душе. Конечно, я не стал бы петь ее Лили-Энн, так как слова грубоваты, зато они радовали меня. Почему бы и нет? Я не буду больше ждать, когда случится нечто плохое; я намерен действовать и сделаю так, чтобы оно произошло поскорее, а главное, не со мной, а с кем-то другим. Это гораздо лучше, я превращусь из жертвы в охотника, а поскольку именно таков мой жребий в жизни, я просто обязан был обрадоваться. Я торопливо закончил завтракать и отправился на работу пораньше, желая поскорее заняться поисками.

Лаборатория пустовала, когда я приехал. Сев за компьютер, я запросил базу данных транспортной инспекции. По пути на работу я придумал, каким образом вести поиски загадочной «хонды», поэтому теперь не имело смысла ломать голову и нервничать. Я составил список «хонд» более чем восьмилетней давности выпуска и рассортировал их по возрасту и месту жительства владельцев, почти не сомневаясь, что моему Свидетелю меньше пятидесяти, а потому вычеркнул всех, кто старше. Затем взял следующий признак – цвет. Я мог с уверенностью сказать лишь одно: «хонда» была темная, – быстрого взгляда на стремительно удаляющийся автомобиль недостаточно, чтобы разглядеть в подробностях цвет. В любом случае возраст, солнечный свет и соленый воздух Майами оказали свое действие на машину, поэтому скорее всего я не сумел бы определить, какого она цвета, даже если бы рассматривал под микроскопом.

Но я знал: машина темная, а потому отметил подходящие «хонды» с первого же захода и отбросил остальные. Затем, произведя финальную сортировку, вычеркнул из списка все авто, зарегистрированные по адресам, находящимся дальше чем в пяти милях от дома, где меня застукали. Я предположил, что мой Свидетель живет где-то поблизости, в Южном Майами. Иначе почему он оказался именно там, а не в Коралл-Кейблс или Саут-Бич? Это была лишь догадка, но, на мой взгляд, правильная, и из списка немедленно ушли две трети претендентов. Оставалось только взглянуть на каждую машину. Если я найду «хонду» с болтающимся задним габаритом и большим ржавым «родимым пятном» на багажнике – считай, Свидетель у меня в руках.

Когда в лаборатории появились коллеги, я уже составил список из сорока трех старых темных «хонд», принадлежащих владельцам моложе пятидесяти. Я слегка смутился – работы предстояло по горло и выше. Но по крайней мере это была моя работа и на моих условиях, и я, бесспорно, управлюсь быстро и эффективно. Я убрал список в запароленный файл под названием «Хонда» – оно звучало достаточно невинно – и отправил самому себе на электронную почту, чтобы открыть на ноутбуке по возвращении домой и немедленно взяться за дело.

Словно в доказательство верно выбранного направления, едва я отправил письмо и открыл на рабочем столе домашнюю страницу, вошел Винс Мацуока с белой картонной коробкой, в которой могла находиться только какая-нибудь выпечка.

– А, Юноша, – произнес он, показывая мне коробку, – я принес тебе загадку: что является воплощенной сутью, но при этом мимолетно, как ветер?

– Все живое, Наставник, – ответил я. – А также то, что лежит в твоей коробке.

Он лучезарно улыбнулся и откинул крышку.

– Цепляй пирожок, Кузнечик, – сказал он. Я так и сделал.

Следующие несколько дней после работы я медленно и осторожно проверял людей по списку. Я начал с тех, кто жил ближе к моему дому, так как к ним мог наведаться пешком. Сказав Рите о необходимости держать себя в форме, я начал бегать трусцой по району, все

расширяя круги, – Самый Обычный Человек, который вышел на вечернюю пробежку, этакое беззаботное существо. По правде говоря, я очень надеялся и впрямь вернуться к беспечному существованию. Простое решение – первому сделать ход – положило конец нервотрепке, охладило пылающую грудь и разгладило нахмуренное чело. Охотничий трепет возвратил моей походке упругость, а на лице вновь появилась светлая фальшивая улыбка. Я вернулся на стезю Нормальной Жизни.

Разумеется, жизнь сотрудника следственной лаборатории в Майами не всегда совпадает с общепринятыми представлениями о норме. Бывают долгие дни, заполненные трупами, причем некоторые из них принадлежат людям, убитым разными жуткими способами. Никогда не перестаю удивляться бесконечной изобретательности представителей рода человеческого в том, что касается нанесения ближним смертельных ран. Однажды вечером, почти две недели спустя после Дня святого Валентина, стоя под дождем на обочине шоссе I-95 в час пик, я вновь удивился этой умопомрачительной креативности, поскольку раньше не видел ничего подобного тому, что сделали с детективом Марти Клейном. На свой невинный лад я радовался, поскольку в смерти Клейна оказалось нечто новенькое и достойное запоминания, раз уж Декстер Вымок Весь.

Было темно, я стоял под дождем в толпе и, моргая, смотрел на освещенное шоссе и на собравшиеся кучкой патрульные машины. Я промок и проголодался, холодная вода капала с носа, с ушей, с рук, закатывалась за воротник бесполезной нейлоновой ветровки, за пояс брюк, впитывалась в носки. Декстер совсем отсырел. Но он находился при исполнении, а потому должен был стоять, ждать и терпеть бесконечную болтовню полицейских: в распоряжении копов все время мира, и они вольны перечислять бессмысленные подробности десятки раз, так как их заботливо снабжают ярко-желтыми дождевиками. А Декстер, в общем, не полицейский. Декстер работает в лаборатории, и таким, как он, не выдают ярко-желтых дождевиков. Они вынуждены обходиться тем, что засунули в багажник машины. Неуклюжая нейлоновая куртка не могла защитить даже от соседского чиха, не говоря уже о тропическом ливне.

И вот я торчу под дождем и пропитываюсь холодной водой, как губка в человеческом обличье, пока офицер Грубб в очередной раз рассказывает офицеру Глуппсу, как на его глазах «форд-кроун» выехал на обочину, и перечисляет все стандартные процедуры, словно зачитывая с листа.

Но хуже утомления, хуже холода, проникающего до костей, буквально в самую середину тела, является необходимость не просто стоять, истекая дождевой водой, но и сохранять на лице выражение испуга и тревоги. Это выражение в принципе дается нелегко, а сегодня у меня вдобавок недостает энергии, поскольку я поглощен собственными мучениями. Каждые две минуты я ловлю себя на том, что нужная маска соскальзывает, сменяясь куда более естественной миной человека, который промок, злится и испытывает нетерпение. Однако я борюсь с ней, придавая лицу подобающий вид, и исправно несу свою службу этим мокрым, темным, бесконечным вечером. Поскольку, несмотря на мрачное настроение, нужно все сделать правильно. Перед нами – не какая-нибудь обезглавленная дамочка, которую темпераментный муж застукал на акте супружеской неверности. Мертвец в «форд-кроуне» – один из нас, член братства полицейских Майами. По крайней мере по тому, что можно рассмотреть, если бросить взгляд сквозь стекла машины на бесформенное пятно внутри.

Оно бесформенное не потому, что его трудно разглядеть через окно – к сожалению, нам хорошо все видно, – и не потому, что оно лежит, расслабившись и уютно свернувшись клубочком с хорошей книжкой, о нет. Оно бесформенное, так как Клейна, судя по всему, били молотком, пока не лишили человеческого облика, медленно и тщательно, превратив в грудудраздробленных костей и разможенной плоти, которая даже в отдаленной степени не имеет ничего общего с человеком, не говоря уж о представителе закона.

Конечно, это просто ужасно, но еще ужаснее то, что так поступили с копом, хранителем порядка, с человеком, у которого есть значок и пистолет и чья единственная цель в жизни – следить, чтобы подобное не случилось ни с кем. Изуродовать копа подобным образом, медленно и старательно, – значит бросить страшный вызов нашему высокоорганизованному сообществу и нанести смертельное оскорбление каждому кирпичику в тонкой синей стене. Все мы в ярости или по крайней мере идеально притворяемся, поскольку прежде ни один из нас не видел подобной смерти, и даже я не могу представить, кто бы мог это сотворить.

Кто-то или что-то потратило значительное количество времени и сил, чтобы превратить детектива Марти Клейна в желе, а главное (и это свыше всякой меры выводит из себя), мы обрели труп в конце длинного рабочего дня, когда ужин уже ждет на столе. Никакое наказание не станет чрезмерно суровым для зверя, учинившего подобное, и я искренне надеюсь, что страшное возмездие последует сразу после ужина и десерта, за чашечкой черного кофе. Возможно, с парочкой бискотти.

Впрочем, что толку; в животе урчит, и у Декстера текут слюнки, при воспоминании о возвышенных радостях блюд, приготовленных Ритой, которые, возможно, ждут его дома. В результате он расслабляет лицевые мышцы и перестает сохранять требуемое выражение. Кто-нибудь непременно заметит и задумается: почему чудовищно изуродованное тело детектива Клейна вызывает у Декстера усиленное слюноотделение? Поэтому, огромным усилием железной воли, я вновь надеваю маску и жду, мрачно разглядывая лужу дождевой воды, собирающейся вокруг промокших ботинок.

– Господи... – произносит Винс Мацуока, возникая рядом. Он вытягивает шею, чтобы заглянуть в салон машины через плечи полицейских. На нем армейский плащ. Винс, похоже, сух и доволен, поэтому хочется пнуть его еще прежде, чем он успевает заговорить. – Поверить не могу.

– В общем, да, – согласился я, удивляясь железному самообладанию, помешавшему мне наброситься на этого счастливого обладателя капюшона.

– Вот чего нам не доставало, – продолжил Винс. – Маньяка с молотком и острой нелюбовью к копам. Господи Иисусе!

Я бы не стал поминать имя Господне в подобном разговоре, но, разумеется, и сам думал о том же, пока стоял здесь, превращаясь в часть водоносного пласта Флориды. Мы не раз видели избитых до смерти, но еще никогда не приходилось иметь дело с избиением, выполненным с такой жестокостью, с таким тщанием, с такой маниакальной целеустремленностью. В криминальных анналах Майами появилось нечто уникальное, беспрецедентное, с иголки новенькое, прежде не слыханное... до сегодняшнего дня, когда в час пик на обочине шоссе I-95 нашли машину детектива Клейна. Но я не собирался поощрять Винса к дальнейшим рассуждениям, столь же глупым, сколь и самоочевидным. Способность к остроумной беседе вымыло из меня непрерывным потоком дождевых струй, которые пропитали одежду сквозь дурацкую ветровку, поэтому я просто посмотрел на Винса и вновь сосредоточился на поддержании торжественно-мрачного выражения лица. Нахмурить лоб, опустить уголки рта...

Рядом с патрульными машинами, выстроившимися на обочине, остановилась еще одна, и из нее вышла Дебора.

Или, формально выражаясь, сержант Дебора Морган, моя сестра и свеженазначенный ведущий следователь в этом ужасном деле. Копы мельком посмотрели на Деб, один из них вторично окинул ее взглядом и толкнул соседа локтем. Они отошли в сторонку, когда она приблизилась к машине, чтобы заглянуть в салон. По пути Дебора натянула желтый дождевик, отчего не сделалась милее в моих глазах, но мы с ней, в конце концов, родня, поэтому я кивнул, когда она проходила мимо, и Деб ответила тем же. Первая же ее фраза, казалось, была тщательно подобрана, чтобы выразить не только отношение к происходящему, но и дать яркое представление о характере.

– Твою мать.

Дебора отвела взгляд от пятна в машине и повернулась ко мне.

– Ты уже что-нибудь выяснил? – спросила она.

Я покачал головой, и за шиворот обрушился настоящий водопад.

– Мы ждали тебя, – ответил я. – Под дождем.

– Мне нужно было найти няню, – заметила Деб и неодобрительно кивнула. – Ты зря не надел плащ.

– Да, очень жаль, я об этом не подумал, – вежливо отозвался я, и сестра вновь принялась разглядывать останки Марти Клейна.

– Кто его нашел? – поинтересовалась она, не отрываясь от стекла «форда».

Один из патрульных, коренастый афроамериканец с усами Фу Манчу⁴, кашлянул и шагнул вперед.

– Я.

Дебора посмотрела на него.

– Кокрейн, если не ошибаюсь? Он кивнул:

– Да.

– Рассказывайте.

– Я был на дежурстве, – начал Кокрейн, – и заметил данное транспортное средство на его теперешнем месте нахождения, на обочине шоссе I-95, видимо, брошенное. Оpozнав его как патрульное транспортное средство, я припарковался рядом, проверил номер и получил подтверждение, что это действительно транспортное средство, записанное за детективом Мартином Клейном. Я покинул салон и подошел к транспортному средству... – Кокрейн на мгновение замолчал, явно смущенный тем, как часто он вворачивал выражение «транспортное средство». Потом кашлянул и продолжил: – Подойдя на достаточное расстояние, чтобы установить зрительное наблюдение, я заглянул в салон транспортного средства детектива Клейна и... Э...

Кокрейн замолчал, словно засомневался, какое слово употребить в своем рапорте, однако стоявший рядом коп фыркнул и подсказал:

– ...и его скрючило. Весь обед к черту.

Кокрейн сердито взглянул на коллегу, и, возможно, последовал бы обмен резкостями, если бы Дебора не призвала обоих к порядку.

– И все? – спросила она. – Вы заглянули внутрь, блеванули и вызвали подмогу?

– Пришел, увидел, блеванул, – негромко произнес рядом со мной Винс Мацуока, но, к счастью для его здоровья, Дебора не услышала.

– Да, – подтвердил Кокрейн.

– Больше ничего вы не видели? – продолжила Деб. – Никакого подозрительного транспортного средства поблизости? Ничего такого?

Кокрейн хлопнул глазами, явно борясь с желанием дать тумака приятелю.

– Посмотрите, что творится, – сказал он с ноткой раздражения. – Какое может быть подозрительное транспортное средство в час пик?

– Если мне приходится об этом напоминать, – заметила Деб, – то, наверное, вам лучше следить за чистотой газонов, а не работать полицейским.

Винс тихонько сказал: «Бум», – и стоявший рядом с Кокрейном патрульный издал сдавленный звук, точно пытался сдержать смех.

Но Кокрейн почему-то не счел это таким уж забавным и снова кашлянул.

⁴ Криминальный гений, герой романов английского писателя Сакса Ромера.

– Слушайте, – сказал он. – Мимо едет десять тысяч машин, и все притормаживают, чтобы посмотреть. Вдобавок идет дождь, и ничего не видно. Скажите мне, что искать, и я начну, договорились?

Деб уставилась на него без всякого выражения.

– Уже слишком поздно, – ответила она, отвернувшись и снова посмотрела на бесформенное пятно в салоне «форда», а потом позвала через плечо: – Декстер!

Наверное, надо было предвидеть, что так и случится. Сестра считает, будто я способен каким-то мистическим образом постичь произошедшее на месте преступления. Она уверена: я мгновенно узнаю все про чокнутого маньяка, с которым мы столкнулись, стоит только быстренько взглянуть на его работу. Поскольку я сам – чокнутый маньяк. Каждый раз, когда Дебора сталкивается с очередным чудовищным убийством, она надеется, что я сразу назову имя, адрес и номер страховки преступника. Частенько я оправдывал ее ожидания, прислушиваясь к негромкому голосу Темного Пассажира, а также благодаря хорошему владению своим ремеслом. Но на сей раз ничего сказать не мог.

Я неохотно пошлепал по лужам и встал рядом с Деборой. Ненавижу разочаровывать сестру, но мне действительно нечем было ее порадовать. Мы столкнулись с жутким, жестоким и неприятным убийством, и даже Темный Пассажир неодобрительно поджал мягкие губы.

– Что скажешь? – спросила Дебора, понизив голос и таким образом поощряя меня к откровенности.

– Ну... тот, кто это сделал, – несомненно, псих.

Она посмотрела на меня, ожидая большего, а когда стало ясно, что продолжения не будет, покачала головой:

– Ну ни хрена себе! Ты сам до этого додумался?

– Да, – ответил я, страшно раздосадованный. – И заметь, после одного-единственного взгляда через стекло под дождем. Перестань, Деб, мы еще даже не уверены, Клейн ли это.

Дебора посмотрела в салон.

– Это он.

Я стер со лба небольшой приток Миссисипи и тоже заглянул внутрь. Я не поручился бы, что лежавшая внутри груды некогда была человеком, но моя сестра, кажется, не сомневалась: это бесформенное месиво – детектив Клейн. Я пожал плечами, и, разумеется, за шиворот мне опять полилась вода.

– Откуда ты знаешь?

Она указала на одну из оконечностей месива.

– Лысина, – сказала Деб. – Лысина Марти.

Я снова посмотрел в салон. Труп лежал поперек сиденья, как остывший пудинг, аккуратно уложенный и совершенно нетронутый, без наружных повреждений. Кожа нигде не лопнула, крови я не видел, но тем не менее в теле Клейна не осталось ни единой целой косточки. Верхушка черепа, возможно, оказалась единственным местом, по которому не нанесли удара – видимо, чтобы жизнь жертвы не оборвалась слишком быстро. Ярко-розовая плешь с бахромой сальных волос действительно напоминала лысину Клейна. Не стал бы утверждать под присягой, что это Марти, но я ведь и не настоящий детектив в отличие от Деборы.

– Это ваши женские штучки? – спросил я – признаться, только потому, что промок, проголодался и был зол. – Ты умеешь идентифицировать людей по волосам?

Сестра посмотрела на меня, и на одно пугающее мгновение я решил, что зашел слишком далеко и сейчас она с привычной жестокостью врежет мне по бицепсу. Но вместо атаки Дебора окинула взглядом остальных экспертов, указала на машину и велела:

– Открывайте.

Я стоял под дождем и наблюдал за ними. Все содрогнулись, когда дверца открылась. Внутри лежал мертвый коп, один из нас, его жестоко забили молотком, и присутствующие вос-

приняли это как личное оскорбление. А самое неприятное – мы не сомневались, что случившееся повторится с кем-нибудь еще. Однажды, совсем скоро, очередное чудовищное избиение выхватит из нашей маленькой компании еще одного, и мы не узнаем, кого и когда, пока преступление не совершится...

Луна была ущербной, и для Декстера наступило смутное время. Ужас охватил всех копов Майами; Декстер стоял под дождем, и, несмотря на жуткую тревогу, в голове у него крутилась лишь одна темная мысль: «Я опоздал к ужину».

Глава 4

Я закончил только в половине одиннадцатого и чувствовал себя так, словно провел последние четыре часа под водой. И все же мне не хотелось отправляться домой, не вычеркнув несколько имен из списка. Поэтому я осторожно наведалься по двум самым дальним адресам, которые пришлось более или менее по пути. Первая машина стояла прямо перед домом, и багажник у нее оказался без единого пятнышка, поэтому я спокойно прокатил мимо.

Вторую машину загнали под навес, в тень, и я не мог разглядеть багажник. Притормозив и заехав на дорожку, я сделал вид, будто заблудился, и начал разворачиваться. На багажнике «хонды» действительно что-то было, но тут мои фары осветили машину, и невероятно толстый кот немедленно удрал в темноту. Я развернулся и поехал обратно.

В половине двенадцатого я припарковался перед домом. Над входной дверью горел фонарь. Я вылез из машины и встал за пределами маленького пятна света, который он отбрасывал. Дождь наконец прекратился, но на небе еще висели низкие темные облака, и я вспомнил ту ночь, почти две недели назад, ночь, когда меня застукали. Во мне проснулось эхо тревоги. Я посмотрел на облака, но они, казалось, не испытывали страха. «Ты промок, – хихикали они, – и стоишь здесь как дурак, и все тело у тебя в мурашках».

Решив, что они правы, я запер машину и вошел в дом.

Там царила относительная тишина, поскольку следующий день был будним. Коди и Эстор спали, по телевизору тихонько шли вечерние новости. Рита дремала на кушетке с Лили-Энн на коленях. Она не проснулась, когда я вошел, но Лили-Энн устремила на меня яркие, широко раскрытые глаза.

– Па, – произнесла она. – Па-па-па.

Она немедленно меня узнала, моя умница. Посмотрев на ее счастливое личико, я почувствовал, как несколько туч в душе растаяло.

– Крошка Лили, – сказал я с подобающей случаю серьезностью, и она засмеялась.

– О! – Рита вздрогнула, проснулась и захлопала глазами. – Декстер... ты дома? В смысле... ты так поздно.

Опять.

– Прости, – сказал я. – Работа.

Рита долго смотрела на меня, моргая, а потом покачала головой.

– Ты весь промок, – заметила она.

– Шел дождь.

Она снова хлопала глазами.

– Дождь прекратился час назад.

Я не понял, почему это так важно, но голова у меня набита вежливыми банальностями, поэтому я ответил:

– Ну видишь, вот и доказательство.

Рита снова посмотрела задумчиво, и мне стало слегка неловко. Но наконец она вздохнула и покачала головой.

– Ладно, – сказала она. – Ты, наверное, очень... А.

Твой ужин. Он уже... Ты голоден?

– Просто умираю.

– С тебя течет на пол, – заметила Рита. – Лучше переоденься во что-нибудь сухое. Если ты простудишься... – Она помахала рукой. – О, Лили-Энн проснулась.

Она улыбнулась малютке той самой материнской улыбкой, которую тщился передать Леонардо да Винчи.

– Я пойду переоденусь, – сказал я и отправился в ванную, где снял и сложил в корзину мокрую одежду, вытерся и натянул сухую пижаму.

Когда я вернулся, Рита что-то напевала, а Лили-Энн гулила. Я не хотел им мешать, но у меня возникли кое-какие важные соображения.

– Ты сказала, ужин готов? – напомнил я.

– Ужин... я надеюсь, он не совсем пересох, потому что... он в кастрюльке, и... я только разогрею, на, поддержи. – Она вспрыгнула с кушетки и сунула мне Лили-Энн. Я поспешно подошел и взял девочку на тот случай, если я ослышался и Рита собиралась разогреть Лили-Энн в микроволновке. Рита уже унеслась на кухню, а мы с дочкой сели на кушетку.

Я посмотрел на нее. Лили-Энн, маленькая и ясноглазая. Вход в новооткрытый мир эмоций и нормальной жизни. Чудо, которое сделало Декстера наполовину человеком, исключительно благодаря чудесному розовому факту своего существования. Лили-Энн научила меня чувствовать, и, сидя с дочерью на руках, я видел те пушистые лучезарные образы, которые посещают всякого простого смертного. Лили-Энн скоро должен исполниться год, и я уже не сомневался, она – необыкновенный ребенок.

– Ты знаешь, как пишется слово «гипербола»? – спросил я у нее.

– Па, – радостно отозвалась она.

– Прекрасно, – сказал я, и тут она протянула руку и ухватила за мой нос, доказывая, что слово «гипербола» слишком легкое для такого высокоинтеллектуального существа. Лили-Энн хлопнула меня ладошкой по лбу и несколько раз подскочила – это была вежливая просьба устроить ей что-нибудь поинтереснее, возможно, с хорошим саундтреком и танцами. Я повиновался.

Через несколько минут мы с Лили-Энн перестали подсакивать в такт двум строчкам «Танцующего лягушонка» и уже разрабатывали последние детали единой физической теории, когда в комнату примчалась Рита с благоуханной дымящейся тарелкой в руках.

– Свиная отбивная, – объявила она. – По-датски. В духовке, с грибами. Только грибы в магазине оказались не очень... Поэтому я порезала туда помидоры и каперсы. Коди, конечно, не понравилось... о! я совсем забыла. – Рита поставила тарелку на кофейный столик передо мной. – Прости, если рис слишком... дантист тебе уже сказал? Эстор нужно поставить скобки на зубы, и она просто... – Рита помахала рукой в воздухе, уже собираясь сесть. – Она сказала, что скорее... черт, я забыла вилку, погоди секунду. – И она снова убежала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.